

А. Ф. Филиппов

Фундаментальная социология как исследовательский проект

Паблик-ток с Павлом Степанцовым

Александр Фридрихович Филиппов — доктор социологических наук, профессор Факультета гуманитарных наук НИУ ВШЭ, заведующий лабораторией Центр фундаментальной социологии НИУ ВШЭ. **Адрес:** Москва, ул. Мясницкая, д. 11. **Электронная почта:** aflippov@hse.ru.

Аннотация: Материал представляет собой стенограмму паблик-тока, состоявшегося в Московской высшей школе социальных и экономических наук (Шанинка). В центре обсуждения — осмысление итогов и перспектив исследовательского проекта фундаментальной социологии. Беседа, moderated Павлом Степанцовым, охватывает широкий круг тем: от определения фундаментальной социологии и её отличия от прикладных исследований до критического пересмотра тезиса «в России нет теоретической социологии». Особое внимание уделяется современному кризису социологического проекта, конкуренции с другими дисциплинами, возвращению роли государства и имперской проблематике. Затрагиваются вопросы социологического просвещения, позиции наблюдателя и будущего социальной науки в условиях неопределённости. Встреча носит рефлексивный характер и представляет собой промежуточный отчёт о развитии теоретической социологии в России за последние три десятилетия.

Ключевые слова: Фундаментальная социология, теории среднего уровня, самотематизация, политическая теология, эксцентрическая позиция, социологическое просвещение

Для цитирования: Филиппов, А. Ф. Фундаментальная социология как исследовательский проект. Паблик-ток с Павлом Степанцовым // Пути России. 2026. Т. 4. № 3. С. 135–167.

Редактор **Алина Владимировна Лихачевская**, МВШСЭН.

Ирина Дуденкова: Добрый вечер, дорогие коллеги. Мы очень рады приветствовать в Шанинской библиотеке людей, которые пришли послушать публичное выступление профессора Московской школы¹ Александра Фридриховича Филиппова, который стоял у истоков создания Московской школы, был деканом факультета социальных наук. Ни в коем случае это выступление нельзя рассматривать как итоговое. Мы сейчас немножко пошутили — на самом деле это то, что называется объективацией объективации, то есть ситуация рефлексивная. Рефлексивная работа над большим, успешным, на мой взгляд, исследовательским проектом, исследовательской парадигмой, которая сложилась в том числе в Московской школе. Я благодарна Александру Фридриховичу за то, что он согласился дать такой публичный промежуточный отчет. И Павлу Михайловичу Степанцову, студенту и сотруднику Центра фундаментальной социологии, преподавателю Московской школы, который согласился поговорить с Александром Фридриховичем, потому что он видел, как развивался этот проект на длинной дистанции. Я передаю слово нашим спикерам.

Павел Степанцов: Всем добрый вечер, коллеги. Спасибо, что пришли. Я скажу буквально несколько вводных слов. Думаю, Александра Фридриховича представлять ещё раз не нужно и лучше, чем Ирина Васильевна, это всё равно не сделаешь. Я в какой-то момент уже перестал быть студентом, и чуть позже, чем перестал быть студентом, перестал быть сотрудником Центра фундаментальной социологии и, прямо говоря, перестал заниматься фундаментальной наукой. Но было время, когда мы с Александром Фридриховичем вместе работали в Центре фундаментальной социологии, в том числе над журналом «Социологическое обозрение», который вы все прекрасно знаете. И мы решили поговорить, наверное, в двух форматах. Отчасти разговор будет биографический, связанный с тем, как мы пришли к фундаментальной социологии, как Александр Фридрихович видел развитие фундаментальной социологии. Потому что на такой большой дистанции это ещё и личный проект. Ну и вторая вещь, тоже не менее интересная, касается того, каким образом вообще мы можем видеть фундаментальную социологию, что это за такой странный зверь. Потому что я помню, в тот момент, когда я начинал учиться в Вышке² в 2005 году, фразы «фундаментальная социология» и «практическая философия» вызывали у людей некоторое недоумение. Как кто-то из вас может видеть по «профильным» профессиональным чатам, у некоторых людей словосочетание «фундаментальная социоло-

¹ Московская высшая школа социальных и экономических наук. Далее — Московская школа, Шанинка

² Высшая школа экономики

гия» вызывает недоумение до сих пор. Чему я дико рад, хоть что-то у нас не меняется. Оно вызывает недоумение и какое-то недоверие — вообще, существует ли такой зверь «фундаментальная социология» в природе или нет, и для чего он нужен? Про это мы сейчас поговорим. У меня есть какое-то количество вопросов. Я их задам, а Александр Фридрихович, надеюсь, порассуждает. И у нас будет время, чтобы вы тоже могли задать интересующие вас вопросы или дать какие-то комментарии. Если есть желание высказаться по теме фундаментальной социологии, социологии в России, теоретической социологии в России, то как говорится “*You are strongly welcome*”.

Давайте начнем с первого простого вопроса, который во многом форматировал восприятие нашего мероприятия. Я здесь буду отсылать к вашей статье ранних 2000-х или конца 90-х годов, по-моему, все-таки ранних 2000-х, в которых вы говорили, что фундаментальной социологии в России нет, что она не сложилась³. Здесь есть забавная интерференция для меня с Луманом, который говорил, что критическая социология думает, будто общество не удалось, а она удалась. Но в целом так же можно было бы говорить и про социологию в России вообще. И здесь мне кажется важно, во-первых, как-то поговорить, что мы понимаем под фундаментальной социологией. Потому что некоторое непонимание тезиса об отсутствии фундаментальной социологии могло вызывать реакцию. Что такое фундаментальная социология? Это, наверное, ключевой момент для нас. Как мы её отличаем от других форм знания об обществе в широком смысле? И уже потом: почему в начале 2000-х годов возник тезис, что её нет. И что можно было бы сказать сейчас? Все стало хуже, лучше или просто неинтересно?

Александр Филиппов Спасибо, Павел Михайлович. По странному совпадению, очень многие вещи происходят потому, что что-то удачно сказано. То есть формулировка важнее, чем то, что за ней стоит. И потом это может даже претерпевать какие-то изменения или могут произойти какие-то операции. Но всё равно в данном случае точно в начале было слово. Давайте я некоторые вещи просто уточню, потому что они стали такими proverbialными. Без ложной скромности могу сказать, что, наверное, достаточно много людей знают моё имя, знают, что я — я имею в виду много людей именно в нашей профессиональной среде, а в целом может быть совсем немного — знают, что я занимаюсь социологией, историей социологии. Но думаю,

³ Речь идёт о статье: Филиппов, А. О понятии «теоретическая социология» // Социологический журнал. 1997. № 1–2. С. 5–37. Более поздняя версия, подвергшаяся значительной переработке: Филиппов, А. О понятии теоретической социологии // Социологическое обозрение. 2008. № 7 (3). С. 75–114.

что 90% из них знает формулу, и вот сейчас я её уточню: «Теоретической социологии в сегодняшней России нет». Вот эта формула именно такова. Теперь второй момент, который нуждается в маленьком уточнении. Я мог бы легко принять сейчас любую хронологию, но так просто случилось, что буквально три или четыре дня назад я встречался с коллегами в Казани. И коллега, которая меня встречала, говорит, мол, я была аспиранткой, я писала диссертацию и помню вашу статью 97-го года в «Социологическом журнале». Я даже не мог поверить, что это уже 97-й год, но да, она стояла на своем, что это 97-й год. Значит, это была статья о понятии теоретической социологии. Потом, когда вышел сборник «Теория общества»⁴ с многочисленными переводами, я туда поместил еще раз эту статью в переделанном виде. Но книжек у нас никто не читает, а журнал находится очень легко, и вот оттуда постоянно берут эту формулу. Исторически её происхождение очень простое, никто не знал, что ей суждена такая долгая и, возможно, печальная жизнь. Была какая-то конференция молодых учёных в Институте социологии, наскоро я приготовил туда какие-то тезисы и вот они, действительно такие провокационные, начинались с этой формулы. Это услышал Владимир Александрович Ядов — думаю, не надо объяснять, кто Ядов. И он практически в ультимативной форме потребовал от Батыгина, чтобы, значит, на эту тему была опубликована статья, а не просто вот это прошло на конференции — и всё. И так появилась эта статья.

Если вести эту историю в одну сторону, то получится, что там внутри множество вещей, которые были названы тогда в обоснование этого тезиса, множество идей, которые, как мне казалось, позволяют искать выход и, во всяком случае, не смотреть на дело столь уж радикально. Ну, вообще говоря, там два авторских листа, нельзя же ограничиться одним тезисом. Но это не сыграло, как мне кажется, вообще никакой роли. Я не вижу никаких следов этого. А вот этот вот лозунг, этот слоган остался, и я думаю, предполагать, что здесь что-то изменится, невозможно.

Вторая сторона дела — это фундаментальная социология, о которой вы спрашивали. Действительно, когда вышла книжка, может быть, кто-то помнит лучше меня, мне кажется, вокруг 2000 года, о которой я только что упомянул, «Теория общества», там уже стоял такой вот гриф «Центр фундаментальной социологии», и под ним выходило несколько серий. Мы задумывали тогда несколько серий. Как мы задумывали? Если посмотреть историю Центра фундаментальной социологии в Вышке, мы все увидим, что в 2006 году эта лаборатория была создана. Опять здесь вначале было слово. Вначале мы просто с

⁴ Теория общества. Сборник / Пер. с нем., англ. Вступ. статья, сост. и общая ред. А. Ф. Филиппова. М.: КАНОН-пресс-Ц, Кучково поле, 1999.

друзьями сидели, как это принято в Москве, на кухне, и думали о том, что так жить нельзя, нам надо что-то придумать своё, а не жить всегда внутри чужих проектов. Судя по всему (я самого момента не помню), но есть свидетели, которые подтверждают, что придумала это Светлана Петровна Баньковская, именно она придумала название «Центр фундаментальной социологии», и оно оказалось настолько удачным, что потом так это всё и пошло. То есть сначала просто гриф в книжке, потом действительно название «Научно-учебная лаборатория», а потом вот здесь появилась уже без моего участия, но с этим названием, программа магистерская, которая долгие годы успешно существовала, и, по-моему, в каком-то смысле существует до сих пор. В оформлении этой программы я не принимал участия, поэтому я могу сказать, что и в этом случае тоже в начале было слово. То есть создаются какие-то вот такие важные концепции, или даже точнее не концепции, а концепты, и они за собой начинают вытягивать огромное количество идей, слов, организационных усилий.

И есть же ещё одна составляющая, к которой я не то что не имею никакого отношения, но и не хотел бы иметь. Если вы наберёте слова «Фундаментальная социология» в интернете, вы обнаружите, сколько там, 10 томов, что ли, выходило на подготовленных кафедрой Добренькова в МГУ, Владимиром Ивановичем и Альбертом Ивановичем Кравченко, с энергией, которая очень редко встречается вообще в мире, осуществили этот огромный проект. Я не уверен, что он, в свою очередь, сыграл какую-то роль в науке, но ведь все дело в том, как понимать науку. Там тоже люди живут, они совершенно уверены, что они занимаются наукой, и было бы странно отрицать за ними право называть фундаментальной социологией то, что они делают. И не упомянуть об этом тоже странно, потому что вы задаёте вопрос «вот как там с фундаментальной социологией?» — да вот по-разному. Есть ощущение, что когда этот концепт появился, он зажил собственной жизнью.

Теперь третья сторона того, что вы спрашиваете. Чем могла бы быть, чем должна была бы быть фундаментальная социология сейчас? У меня в своё время, сначала под влиянием Лумана, я думаю, и той его работы, которую я когда-то достаточно коряво, но все-таки перевёл на русский язык, про самотематизацию общественных систем⁵ (она вышла в сборнике в 90-м году, в 91-м), потом, начиная лучше понимать, откуда что берется, обнаружил у Фрайера, потом с какими-то дополнениями, изменениями понимал, что Фрайер берёт в свою очередь это у Дильтея. Но так или иначе, если перестать искать

⁵ Речь о работе: Луман, Н. Тавтология и парадокс в самоописаниях современного общества / Пер. с нем. А. Ф. Филиппова // Социо-Логос: социология, антропология, метафизика. М.: Прогресс, 1991. С. 194–218.

многочисленные корни всего этого, эта формула сводится к тому, что социология — это теоретическое самоосмысление общества. То есть, если мы сохраним какое-то подобие гегельянской составляющей, тогда у нас получится, что вот этот условный, редуцированный, обкорнанный, не признающий сам себе, что он на самом деле всё тот же старый философский субъект, рефлектирует, пытается занять позицию извне себя и посмотреть на себя со стороны, для этого ему служит в том числе и социальная наука.

Если мы скажем «нет» гегельянству ни в каком виде, мы его не признаём, не хотим, чтобы оно было — тогда мы просто можем сказать, опять же, возвращаясь к Луману, но в таком более чистом виде, что общество — это множество коммуникаций, и в нем выделяются в том числе такие специальные коммуникации, которые своей темой имеют опознание, тематизацию его как единства, как некоторого тождества, не столько субстратного, сколько процессуального, но тем не менее того, что сохраняет себя тем, что оно есть на протяжении некоторого времени. И вот для того, чтобы это происходило, когда этот интерес есть, для этого и служит фундаментальная теоретическая социология. Я думаю, что, может быть, пока для того, чтобы не развозить это в лекцию, этого может быть достаточно.

П. С.: Да, здесь я тоже, чтобы продолжить, коснусь двух моментов, одного биографического, который касается и моего опыта, и другого, чуть более концептуального, скажем так. Биографический касается того, что как раз в 2005–2006 году, когда я начинал учиться в Вышке, я помню, что было до этого года, по рассказам людей, и что возникло в тот момент. Что возник среди студентов довольно резкий интерес к занятию социологической теорией. Давайте я смягчу намеренно, не фундаментальной социологией, но как минимум теоретическим осмыслением. Произошел некоторый дрейф от того, когда люди хотели больше после социологии идти в маркетинг, заниматься исследованиями рынка и так далее. И появился интерес в сторону занятия теорией. В том числе благодаря этому возник Центр фундаментальной социологии, потому что было старшее поколение. Вы, Светлана Петровна, люди, которых здесь нельзя называть, Куракин и так далее. И вот младшее поколение, на несколько поколений ниже, студенты буквально второго курса бакалавриата. И возник какой-то такой интерес. Он был относительно новый. Этот вопрос я адресую вам, хотя мог бы адресовать себе (но у меня на него ответа нет): почему такой интерес возник? Это же не случайность. Потому что потом он каким-то образом, как мне кажется, поддерживался. И отчасти поддерживается до сих пор. То, что мы видим, например, и в бакалавриате Шанинки, и видим [магистерскую] программу по фундаментальной социологии здесь. Она просуществовала и существует на самом деле — это важно подчеркнуть — долгое время. И успеш-

но существовала и существует с точки зрения набора. Люди идут, и есть вот такой интерес. Здесь можно идти от разных ответов, начиная от какой-то харизматичности до увлечённости людей, увлечённости студентов теми людьми, которые занимаются теоретической социологией в широком смысле этого слова. Или же здесь что-то себя проявило? Не знаю, дух эпохи, абсолютный дух, который дышит где хочет, что угодно. Это первое. Интересно, почему? Осмыслили вы это для себя? Почему произошло такое и с чем это было связано?

Второй момент касается осмыслений самоописания обществом самого себя. И он отсылает к продолжению вопроса про наличие такой фундаментальной социологии сейчас. Мы видим огромное количество разных описаний общества, которые производятся. По моим ощущениям, сейчас производится сильно больше, чем 20 лет назад, 15 лет назад. Из каждого утюга что-то говорят про общество. Часть этих описаний мы можем отнести к фундаментальным, часть не можем. Но всё равно общество изнутри разных систем, если мы говорим с точки зрения Лумана, описывает само себя. Что в данном контексте отличает именно фундаментальное социологическое описание других, которое производится тоже изнутри общества?

А. Ф.: Я совершенно не предполагал, что я начну ответ на ваш вопрос с того, с чего я начну. Я вчера очень поздно вечером возвращался после лекции домой и получил маленькое письмо. Тоже многие, наверное, из вас знают — это наш добрый коллега Тимур Рифатович Миняжев. Он историей социологии занимается, теорией тоже. Мы не очень часто переписываемся, но по такому поводу не переписывались ни разу. Он мне рассказал, у него был ко мне вопрос, но на вопрос я ответить не смог. А то, что он рассказал, было совершенно поразительно. Он изучал со своими историко-социологическими интересами какую-то литературу вокруг Зиммеля, в том числе Зиммеля на русском языке. И он нашёл в сборнике под редакцией Ковалевского «Новые идеи в социологии»⁶ [19]13 года огромный перевод первой главы «Большой социологии» Зиммеля. Я думаю, многие знают, о чем идет речь. Причем перевод подписан Г. Федотовым, и он думает, что это тот самый знаменитый русский богослов Георгий Федотов. И он меня спрашивал, почему при изданиях Зиммеля, которые были сделаны в 1996 году, это не использовалось. Я не мог ответить на этот вопрос, потому что я не составлял те книжки, которые выходили. Я только продал пару своих переводов и помог отредактировать Ильинский перевод Зиммеля, Ильина и Вокач, «Социальная

⁶ Зиммель, Г. Проблема социологии // Новые идеи в социологии / Под ред. проф. М. М. Ковалевского и Е. В. де-Роберти. Сб. 1. Социология. Ее предмет и современное состояние. СПб: Образование, 1913. С. 109–141.

дифференциация»⁷. Это совершенно ошарашивающая новость. Я надеюсь, что он сумеет распорядиться своей находкой. Правда, не целиком, как выяснилось, переведена эта глава, только часть. Но, тем не менее, очень большая часть.

И какое это имеет отношение к вашему вопросу? Мне кажется, прямое. В принципе, наука не существует как прозрение, она не существует как коммуникация, она не существует как установление какой-то частной истины, даже очень удачными способами. Мы все это прекрасно знаем. Она существует как традиция, как некоторая непрекращающаяся традиция знания. И таких традиций несколько, их даже много, в социологии их много. Когда мы занимаемся фундаментальной социологией — я не утверждаю, что это единственный источник интереса к ней, который вот сейчас появляется — когда мы занимаемся фундаментальной социологией, мы в каком-то смысле прикасаемся к вечности. У нас такое же ощущение, как когда мы в философии занимаемся великими философами. Потому что, конечно, каждому из нас приятно было бы знать, что он создает в области знания нечто такое, что не исчезнет. Но вероятность этого очень мала. И Вебер, как мы знаем, буквально заклинал свой страх смерти и исчезновения, говоря «я знаю, я знаю, я знаю, что я ещё не умру, а уже всё, что я сделал, будет опровергнуто». Это ужасная мысль, которая преследует учёного. Другая сторона этого: когда я читаю Аристотеля, Гегеля, Фихте, Гоббса или Фому [Аквинского], я понимаю, что я нахожусь внутри вечности. Конечно, это такая относительная вечность, что такое даже две с половиной тысячи лет? Но всё равно я внутри вечности. Это великий диалог. И когда ты занимаешься вот этими великими социологами, независимо от того, жили ли они 200 лет назад, или, как Луман, умер он как раз в 98-м году. Но все равно понятно: кто занимается Луманом, тот с известной степенью вероятности прикасается к вечности. Это проверенная вещь, это не фуфло. Ты не просто так неизвестно откуда берёшь слова, которые сейчас у всех на языке. И ты можешь быть необыкновенно современным и модным, вести себя как тот же Зиммель, который растратил полсостояния на шмотки, потому что занимающийся социологией моды должен модно одеваться, как известно. Это правда. В каком-то моднейшем фраке он приезжал на лекции на велосипеде. Это был вообще тогда шик невероятный в Берлине. Всё нормально. Но ему хватило чутья на фоне всего этого заняться Кантом, Шопенгауэром, Гёте, Рембрандтом. А мы занимаемся Зиммелем, мы занимаемся Луманом. Я думаю,

⁷ Зиммель, Г. Социальная дифференциация. Социологические и психологические исследования [Пер. Н.Н. Вокач и И.А. Ильина, под ред. и с комм. А.Ф. Филиппова] / Зиммель Г. Избранное. Проблемы социологии / Сост. С. Я. Левит. М.; СПб.: Университетская книга, Центр гуманитарных инициатив, 2015.

что это какая-то надежная штука. Вот хотя бы Владимир Геннадьевич [Николаев] занимается [Робертом] Парком, не только Парком, но в том числе и им, он может быть уверен, что он уже обессмертил своё имя независимо от всех остальных достижений. Поэтому вот это желание, я не знаю, своей интуицией схватывать не недавно изготовленное, а то, что прошло проверку временем — его невозможно отнять. Это только одна из причин, но я бы не стал дальше развивать эту тему, чтобы осталось время и для другого.

П. С.: Хорошо. Всё-таки тогда, мне кажется, и я чуть-чуть уточню вопрос. Я бы всё-таки предложил её развить, но уже чуть в менее таком экзистенциальном ключе. Понятно, что наша жажда бессмертия и страх бессмертия очень хорошо, скажем так, соотносятся с тем, к чему прикасаются люди, когда читают тексты. В том числе это может объяснять, почему в середине 2000-х возникло такое желание прикоснуться к вечности. В тот момент, когда люди перестали бояться, что умрут с голоду, возникла возможность прикасаться к вечному. Чуть-чуть больше. Но это шутка, на самом деле.

Второй момент, всё-таки вторая часть вопроса, я её даже уточню, как мы можем отличить именно фундаментальное социологическое описание от иного типа описания и за пределами социологии, и внутри социологии. Этот вопрос тоже не праздный, я, наверное, поясню контекст. Сейчас среди шанинских студентов есть увлечение чем-то, что называется оператор среднего уровня. И оно представляется если не как панацея, то как новое слово, которое может позволить каким-то образом чинить и соединять некоторые конструкции. Здесь, к сожалению, нет ни Степана [Козлова], ни Наты Волковой, которые могли бы этот вопрос лучше развить. Но тем не менее, даже изнутри социологии есть разного типа очевидные описания. Некоторые из них даже не претендуют на фундаментальность. Есть ещё описания за пределами социологии. И все они каким-то образом тематизируют общество в широком смысле. И в тот момент, когда мы в начале разговора говорили о том, что фундаментальная социология — это способ тематизации общества, для того чтобы так или иначе оно сохраняло в том числе своё единство, то как мы можем отличить среди разных способов тематизации общества именно те, которые мы бы отнесли к фундаментальной социологии?

А. Ф.: Да, это, конечно, более сложный и более принципиальный вопрос. Я бы мог сказать, что в принципе, если бы у меня кто-то просил рекомендации, и я бы счёл возможным их давать, то я бы как раз поддерживал именно это направление. Исходя из того, что социология — это наука о действительности, в формулировке Вебера или даже Риккерта, или в радикальной и очень страшной, хотя и соблазнительной формулировке Фрайера, но если это наука о действительности, значит, она

не может проходить мимо того, что является — ну, извините за такую совсем какую-то вульгарную формулировку, я понимаю, что она прозвучит на фоне только что сказанного вульгарно, но тем не менее — на фоне того, что является актуальным общественным запросом. То есть, социология вне задач, скажем, широко понимаемой социальной работы — а кому она тогда еще нужна? То есть, что ещё тогда делать? Вот как говорил Крыштановский, заниматься маркетингом мужских трусов, да, ну что ещё? Или куда-то ещё, встраиваться в эту фабрику массовых опросов и проектной текучки, как Луман говорил, фабрика проектов. Фабрика проектов существует, она прекрасно себя чувствует, хочешь над этим встать — значит, ты оказываешься как раз на этом среднем уровне. И повторяю, моя собственная рекомендация, и даже в каком-то смысле моя собственная рекомендация самому себе, была бы больше идти в эту сторону, в среднюю.

Там есть один-два момента, мимо которых всё-таки невозможно пройти. Средняя, это значит средняя между низшим и высшим. Считаем ли мы низшее фундаментальным или, считаем ли мы, наоборот, высшее фундаментальным, но средняя всё равно находится между ними. И вот эта, кстати, наша привычка называть средний уровень, да, на самом деле, если мы вспоминаем формулу Мертон, это все-таки *middle range*, то есть это как ракеты среднего радиуса действия. Так и теории, которые далеко не долетают, но, в общем, и не вблизи только работают. Это такая довольно большая штука, но со своими ограничениями. И вот возникает вопрос, он возникает, собственно, изначально. Это изначально можно представить, например, по такому парадигмальному образцу, как спор Парсонса с Мертоном, значит, *general theory* или *theories of the middle range*. Этот спор сам по себе как таковой, он разрешился в пользу Мертона, независимо от того, принимаем ли мы в строгом смысле слова его позицию или нет. Он решён, и в каком-то смысле он решён окончательно в пользу Мертона, и это, по-моему, очень плохо для социологии. Потому что теории, даже если они создаются *ad hoc*, даже если они создаются внутри какой-то более обширной области, нуждаются в ресурсах. И этот ресурс — ресурс понятий, ресурс объяснительных схем, ресурс, если угодно, общих представлений о социальном, которые хорошо обоснованы. Не в том смысле, как хорошо бывают обоснованы те самые *grounded theories*, а хорошо обоснованы в соответствии с теми требованиями, которые мы предъявляем без всяких скидок на то, что это же всё-таки отдельная дисциплина, которые мы предъявляем в этом смысле социологии. И когда мы перестаем снисходительно говорить «ну, здесь не играем, здесь тоже не играем, да, и здесь не играем, потому что эти вопросы та или иная наука решать не должна». А кто их тогда будет решать? И мы знаем прекрасно, кем они начинают решаться. Они реально решаются в современной политической философии. Они решаются в современной социальной философии, если их различать между собой — я не очень это люблю,

но есть коллеги, которые наоборот это любят. И, наконец, в политической теологии. Представители этих дисциплин вспоминают о том, что, в общем, на самом деле, это тоже часть того проекта, из которого когда-то родилась социология, по крайней мере в некоторых странах и в некоторых парадигмах. И они начинают эти вещи разбирать. И вы берёте то какую-нибудь книжку условного Милбэнка, если брать политическую теологию, мы видим, что он там глава за главой оттаптывается на современной социологии, которая вообще ему ничего не отвечает, потому что для социологии нет теологии. То есть те социологи, для которых теология была, они все померли, а новых не народилось. А новые думают, что на их век хватит, что всё хорошо. Вот профессорское место, вот грант, вот проект, вот, слава богу, собрание факультета, и там все чествуют уходящего на пенсию коллегу и жадными глазами смотрят на освободившуюся позицию, счастливо представляя себе, сколько времени пройдет, пока этого нынешнего счастливчика будут чествовать точно так же. То есть всё идет своим чередом. Чего тут волноваться-то? А между тем, ну, дух эпохи я бы не стал говорить, хотя вы его упомянули справедливо, но жизнь-то, в общем, не стоит на месте. И очень серьезные умы с той или иной стороны атакуют социологию не в части отдельных вот этих *middle range operators* или *theories*, они её атакуют именно вот в части оснований. И я вспоминаю книжку, которую сейчас уже никто не читает, но в моё то время она была очень популярна, «Кондуит и Швамбрания» Льва Кассиля. Он вспоминает, как ещё до революции он учился, там был учебник закона божьего, там была такая иллюстрация — сидит Бог на облаке и творит мир. И он пишет дальше «первые же уроки естественной истории рассеяли облака. Богу больше не на чем было сидеть». Я понимаю, что сейчас это звучит несколько сомнительно, но я хочу сказать, социологии не на чем, да, она однажды выяснит, что ей не на чем больше сидеть. Хотя, конечно, ни сегодня, ни завтра, ни послезавтра. Вот поэтому надо ею заниматься.

П. С.: У меня здесь есть соблазн пойти сразу в две темы. Я сейчас выбираю. Мне кажется, мы довольно много поговорили про фундаментальную социологию, возможно, про это будут вопросы. Я бы, наверное, как раз хотел бы отнестись к политической философии в таком ключе. Потому что если такими совсем крупными мазками посмотреть ваш путь по заметным публикациям, и даже не побоюсь этого слова, по позиционированию себя в теории, то первая, как минимум, совсем заметная статья, если глубоко не погружаться, это «Наблюдатель империи»⁸. Потом, мне кажется, он [путь] довольно

⁸ Филиппов, А. Ф. Наблюдатель империи: Империя как социологическая категория и социальная проблема // Вопросы социологии. 1992. № 1. С. 89–120. Более поздняя сокращенная версия издана в: Полит. наука. 2013. № 3. С. 43–97.

логично переходит в эту историю про пространство — потому что как раз империя тематизируется через пространство, — и появляется проект социологии пространства. Дальше, мне кажется, что вполне логично рождается история про события. Потому что как мы можем определить место? Там важную роль играет наблюдатель, наблюдатель должен что-то наблюдать, то есть важно место наблюдателя, и, соответственно, должно быть некоторое событие, событие наблюдения — то событие, которое он наблюдает. И здесь как будто бы в какой-то момент происходит переход уже из вашего интереса, из того, что относится к тематизации, скажем так, социологических тем — как бы мы их не определяли, мы ещё об этом поговорим — к политической философии в большей степени. С чем это было связано? Есть ли там какой-то такой гэп, скачок, или он кажется скачком только внешнему наблюдателю, допустим, мне? Может быть, коллегам так не кажется. И почему вы начинаете тогда дальше черпать ресурсы воображения, ресурсы теоретической работы из политической философии в первую очередь, и заниматься ей в большей степени, чем тем, что принято относить, к, собственно, теоретической социологии? То есть, проект закончился на событиях, или дальше стало невозможным рассуждать о событиях, не привлекая ресурс политической философии?

А. Ф.: Ну, есть, так сказать, нулевая стадия, конечно, да, приятно говорить о себе в ретроспективе. По-моему, у Дэвидсона книжка “*Essays on actions and events*” предваряется вот такими *summaries*, где он о себе пишет в третьем лице. Но, действительно, у меня произошел личный такой очень серьезный перелом в 90-м году, и результатом этого перелома стала статья о социологии и космосе⁹. И там впервые был поставлен и вопрос об империи, и вопрос о пространстве. И меня тогдашние мои друзья спрашивали «что это тебя повело в эту сторону?». Я не мог этого сказать, я и сейчас не могу сказать — я не всегда понимаю, что происходит. Понимаю, что что-то надо написать — и всё.

И второй момент, просто очень важно для меня зафиксировать, что я первый раз говорил об этом, про империю, про всё это дело, я говорил именно в Московской школе. Но её тогда не было. То есть я говорил не в Московской школе, тогда были конференции, которые назывались, по-моему, даже не «Пути России», а назывались «Куда идёт Россия», и на одной из первых конференций, 93-й год это был, я старался... Да, точно, это был 93-й год. Я уже выпустил эту статью, но её никто ещё тогда не знал. И потом вдруг оказалось, что очень многие люди до сих пор подходят ко мне и говорят, что считают, что это луч-

⁹ Филиппов, А. Ф. Социология и космос: Суверенитет государства и суверенность социального // Социо-Логос. Вып. 1. Общество и сферы смысла. М.: Прогресс, 1991. С. 241–273.

шая статья. Я этого не исключаю. Не в том смысле, что я ей горжусь и размахиваю, как флагом, а в том смысле, что ничего лучше мне так и не удалось написать, как я ни старался. А в свою очередь, почему это было написано? Это было написано, как ответ на актуальный запрос. Я очень переживал, даже не когда Советский Союз распался — к этому времени я её уже написал — а именно, когда готовился его распад, эти аргументы, что любую империю надо разрушить, просто потому что она империя, империи быть не должно — и дальше, значит, там набор необыкновенной пошлятины и околесицы, которую просто невозможно воспроизводить. У меня всё переворачивалось внутри. И в тот момент, когда я это написал, это никому было не нужно, абсолютно. И много позже это было не нужно. И я чуть ли не десятилетие пытался пробить эту стену. И мне кажется, что я потерял надежду на то, что будет какой-то этому резонанс, как раз тогда, когда возникла вот эта вот новая имперская история, когда стали постоянно об империях люди говорить. И я, значит, с необыкновенным чутьём и внимательностью к происходящему, бросил это на долгие годы.

Действительно, от этого пришло всё к пространству. То есть стало ясно, что, и кстати говоря, в статье про теоретическую социологию, там прямо сказано, что есть необходимость в кодификации социологического знания, и есть параметры этой кодификации — это пространство и время. И вот пространством, собственно говоря, мне бы сначала хотелось заняться. Поэтому в каком-то смысле всё произошло логично. Сначала пространство, потом время. В смысле события, да, это социология времени. А почему потом философия? Ну, как бы, так сказать, я не железный. То есть если я называю теоретическую социологию коммуникацией, и если я вижу, что никакой коммуникации нет, — значит я иду туда, где коммуникация есть, вот и всё. То есть пока ты говоришь... Я не говорю в данном случае, не надо понимать как какую-то инвективу в отношении коллег-социологов. Если бы я написал по-другому и лучше, значит и коммуникации было бы больше. Вот и всё. Но независимо от причин, коммуникации никакой нет. Её не было, нет и не будет. А с философами какая-то коммуникация есть. Поэтому если не хочешь жить в безвоздушном пространстве — значит надо идти туда, где получаешь какой-то отклик. Это раз.

И два, разговаривать с теми, кто хочет разговаривать в ответ. Но кто же мог знать, что постепенно какие-то интересы к этому делу будут пробуждаться. А уже когда я занялся политической философией и в особенности политической теологией, в том виде, в котором сейчас я ею занимаюсь, я обнаружил, сколько там, во-первых, исторических переключек, а во-вторых, возможности какие-то для себя важные вещи прояснять на том уровне, который для меня лично выступает как более соблазнительный. То есть возвращаясь к тому, что я сказал раньше, да. Не просто использовать какие-то слова или объяснительные схемы из ресурса, который называется социологией, но дополнить его

из огромного резервуара традиции. И я на всякий случай только, здесь есть люди, которые прекрасно это знают, мы с ними об этом говорили, а есть, может быть, и те, кто слышит об этом в первый раз. Но даже тем, кто знает, я напому на всякий случай, что даже слово «социология» изобрел не Конт. Даже само слово появилось в черновых записях Сийеса, которого мы знаем как политического философа и политического богослова. Никакого Конта бы не было без де Местра и Бональда. Не будь Конта, не было бы всей последующей социологии, какой мы её знаем, невзирая на то, что Контовской социологии как таковой тоже не было. И Конт — это богословие, специфическое, но тем не менее именно богословие, он создает в конечном счете не науку, а научную церковь. Вот это всё не может быть безразличным для любого, кто всерьёз относится к истории своей науки. И вот поэтому я туда залез. Ну, конечно, у этого есть свои издержки, потому что, повторю, мысль, не моя мысль, а мысль огромного количества других людей — она не стоит на месте. И в какой-то момент ты очнёшься, согласишься с холодным вниманием вокруг и понимаешь, что довольно много людей насоздавало довольно много интересных текстов, в том числе и в области социологии. Может быть, имеет смысл заново начать их читать.

П. С.: Про тексты мы ещё отдельно поговорим. Здесь такой вопрос, наверное, практически из зала, к теории событий, который регулярно возникал в момент обсуждения со студентами текста «Конструирование прошлого в процессе коммуникации»¹⁰. То есть он так или иначе возникал не единожды. Это вопрос про абсолютные события. И здесь мы можем сделать мостик, а можем и не делать его, с такими событиями, которые, собственно, побуждают к некоторой теоретической работе. В данном случае, допустим, ожидание распада или распад Советского Союза, или какие-то другие события. Будем ли мы относить их к абсолютным или не будем. Но на самом деле здесь вопрос больше такой на уточнение, есть ли в вашей теории событий, когда мы говорим про абсолютные события, как про некоторую точку — сильно упрощая — отсчета хронологии, могут ли абсолютные события существовать в будущем? Я долго подбирал слово «существовать», наверное, не самое точное слово. Но могут ли они воображаться в будущем как точка отсчета хронологии отсюда? Есть ли какая-то...

А. Ф.: Хронология сюда?

П. С.: Да, сюда.

¹⁰ Филиппов, А. Ф. Конструирование прошлого в процессе коммуникации: теоретическая логика социологического подхода // Феномен прошлого / Отв. ред.: И. М. Савельева, А. В. Полетаев. М.: Издательский дом ГУ-ВШЭ, 2005. С. 96–120.

А. Ф.: Да, это эсхатологическое мышление, разумеется. Это, собственно, и есть то, где человек говорит прозой, не сознавая этого, — когда человек внутри социологии заносит эсхатологию, не сознавая того, что его размышления гораздо лучше могли бы быть представлены в терминах, условно говоря, Левита или Таубеса. Специально не называю еще другие имена. Но совершенно очевидно, что если мы себе представляем в максимально радикальном плане просто конец времен, и мы начинаем от него отсчитывать сюда — мы себе представляем достаточно модную сейчас идею времени, подходящего для свершения определённого рода событий, скажем, либо второго пришествия, либо обрушения всего этого мира, либо до второго пришествия, как мы знаем, должно быть еще пришествие Антихриста. Я на всякий случай хочу напомнить, просто это попутно, но тоже, знаете, когда мы берем у Дюркгейма понятие аномии, или аномии, как любит говорить Гофман, я до сих пор не знаю, как будет лучше, но я просто так уже привык. Берем у Дюркгейма понятие аномии, а где мы еще встречаем понятие аномии? Только не вперед сюда, а назад туда. Мы его встречаем как раз у апостола Павла. И вот эта знаменитая формула из второго послания Фессалоникийцам, вторая глава, где он говорит, что «тайна беззакония уже в действии, только не совершится до тех пор, пока не будет взят от среды удерживающий теперь» [2 Фес. 2:7]. Это квинтэссенция некоторых, как ни странно, социологических — хотя на самом деле они теологические, даже не политико-теологические — интуиций. Но они могут быть представлены как политико-теологические, потому что где беззаконие, в греческом тексте там стоит *ἀνομία*. А «удерживающий теперь», да, это значит *ὁ κατέχων* на греческом или *qui tenet* на латыни. Это что такое? Это на самом деле — в прошлом году мы это много обсуждали на одной из наших конференций, что мы можем представлять себе это в высшем плане — действительно, конец времен. Что значит «тайна беззакония свершится»? Придет Антихрист. Пока он не пришел — он не пришел, но не будет, и, соответственно, Страшного суда, и Христос не вернется, и весь мир будет оставаться в этой ситуации беззакония. То есть на самом деле катехон, который вроде бы удерживает мир от сползания в катастрофу, на самом деле удерживает его от того, чтобы весь этот кошмар кончился, наконец, и воцарилось то время, когда времени больше не будет. И вот если мы это редуцируем на несколько порядков, поскромнее начинаем представлять, мы можем себе представить, что удерживающая сила, катехон, она может быть как бы мини-удерживающая сила. Это может быть какой-то предохранитель, извините, как поплавков в сливной бачке, который не дает ему переполниться и затопить квартиру. И таких предохранителей, таких мини-катехонов в социальной жизни очень много. Мы не будем говорить, хорошо это или плохо, но когда мы задаем себе вопрос, я вспоминаю своего дорогого учителя Юрия Николаевича Давыдова,

который говорил мне: «у меня все, значит, рассказывают про то, как всё вот-вот рухнет и будет катастрофа, а меня интересует совершенно другой вопрос — меня интересует, почему она до сих пор не случилась?» И это действительно, это два разных вопроса, которые могут быть заданы в одно и то же время, в одной и той же ситуации, с одними и теми же принципиальными описательными средствами, с разными фундаментальными интуициями. И если мы пойдем вот этим путём, мы обнаружим, что мы постепенно вползаем, вторгаемся или неостановимо падаем в ту область, где нас встречает невероятное богатство концептуальных возможностей. Не теоретических, я подчеркиваю — теория связывает разные, более-менее строго звучащие предложения — но именно концептуальных, когда мы находим те самые слова, которые позволяют нам сформулировать наши интуиции, и на этих интуициях дальше строить свой объяснительный аппарат и идти дальше. И вот именно поэтому как бы я ни хотел временами — у меня иногда такое бывает, особенно когда я оказываюсь в такой узко-социологической среде, у меня такое ностальгическое чувство «я дома, я наконец вернулся домой» — сколько бы ни было этой ностальгии, но нет, всё-таки этот фарш невозможно повернуть назад.

П. С.: Давайте тогда параллельный вопрос про проект уже не фундаментальной социологии — это, понятно, относится и к проекту фундаментальной социологии тоже — и не к политической философии, а к проекту социологического просвещения. Это тоже значимый проект, который вы, как мне кажется, в России наиболее ярко представляли. Здесь разговор может быть развернут в две стороны. То есть про лумановскую историю, про социологическое просвещение отчасти, и про биографическую вашу. Каким образом и почему было... было ли тогда время для социологического просвещения? Осталось ли оно сейчас? Потому что кажется, что можно взять слова, словосочетание «социологическое просвещение», и его важно отличить от других форм существования, например, популяризации науки. Того, что мы видим в проектах, которые не являются собственно социологическими или научными. Сейчас я уже не знаю, кто уже смотрит «Постнауку», но в свое время даже «Постнаука» вполне себе проект популяризации науки, хотя вряд ли некоторого просвещения в этом смысле. И как мы можем отличить проект условного и социологического просвещения от проекта популяризации? Есть ли время ему сейчас? Или уже по каким-то причинам нет?

А. Ф.: Ну, если совсем кратко, то, мне кажется, на какое-то обозримое время этому проекту места нет. Мы переходим к достаточно идеологизированному состоянию — социология всегда себя противопоставляла либо теологии, либо метафизике, философии, либо и той и другой одновременно, как правильное знание, в отличие от знания

так или иначе только претендующего на то, что оно представляет истинную природу вещей. Вот эта вот специфическая на самом деле история. Если мы возьмем какой-то любой большой социологический спор, неважно, где он проходит, проходит ли он в глубинах каких-то историй во времена Конта, или проходит в наше время, или преднаше время, в какой-то другой стране или в нашей, если хотят дискредитировать теоретика, если хотят дискредитировать именно социолога-теоретика, что самое худшее может быть о нем сказано? То, что он занимается философией. «Это не социология, это философия, пусть он занимается своей философией». Про Лумана это говорили, про кого только это не говорили. В этом смысле социологическое просвещение, скажем, в смысле Лумана, это не про то, чтобы какие-то знания сделать популярными. Это про то, чтобы представить — если вы помните, был у нас такой случай, мы какое-то длинное интервью Лумана вместе слушали, я вам его переводил. Это был еще тогда сравнительно молодой Луман, у него это очень хорошо получалось. Он говорил: «вот смотрите, не обязательно держаться каких-то фиксированных ценностных, идеологических установок — „вот это правильно, это справедливо, это хорошо“ — социология позволяет вам представить это как иначе возможное». Как иначе возможное объяснение, как по-другому конструируемые связи. Это и есть собственно социологическое просвещение. Не в том смысле, что есть просветитель, как абсолютный наблюдатель, как знаток, как тот, кто знает на самом деле, а все остальные какие-то замшелые или малоумные твари. Просто это другой взгляд на то же самое. Ты понимаешь, что ты это считаешь ценным и самоочевидным, а тебе социолог говорит не то, что оно не ценное, и не то, что оно не самоочевидное — он тебе рассказывает, как производятся ценность и самоочевидность. Ты будешь тельняшку рвать за традицию — социолог тебе рассказывает, как работает традиция, как работает институт. То, что ты принимал за вещь, на самом деле всегда было процессом, а самое прочное — это просто длительный и продолжительный процесс. И многое другое в том же духе. Вот это социологическое просвещение в точном смысле слова. Для этого социолог, конечно, он должен стоять в стороне, и получается, что для него вообще ничего святого нет, и что он в результате всё равно такой самый умный. Они стоят рядом друг с другом — здесь социолог, здесь психолог. Психолог говорит: «я знаю, откуда у вас эта эмоция, это убеждение». Социолог говорит: «да-да, и заодно я знаю, как вы её инвестируете в те или иные действия». И человек уходит не обязательно просветленный. Возможно, что он уходит от них обоих без всякого удовольствия. Я не думаю, что сейчас хорошее время для этого.

Но кому это нужно? Вот у Лумана есть одна ранняя статья. Она тоже вошла в книгу «Социологическое просвещение», просто её может быть, совсем уже редко цитируют. Она посвящена идеологии.

В принципе, идеология это очень очень сложное дело. И Луман скорее всего не сказал там какого-то петушиного слова, поэтому она не прозвучала, повторяю. Но тем не менее, что он говорит? Самое главное с идеологией — это не то, что она является ложным сознанием, а то, что она заменима в своей функции определять, описывать и оправдывать действия. Заменяема. Представляете себе, по мере прогрессирующей идеологизации, где бы она ни происходила, в каких бы средах, в каких бы странах, вы приходите куда-то и говорите «вообще-то говоря, ваши принципы прекрасны, но есть ещё такой, такой, такой способ. И завтра вы будете верить уже не в это, а послезавтра ещё во что-то другое». Да вы что? С чьего голоса вообще поёт эта птичка? Да, и есть мнение, что попугай этот засланный. Поэтому я полагаю, что в этой части можно рассказывать всякие интересные истории, как этнологи рассказывают, антропологи вот выдумывают свои байки, потом выдают их за истину. Это всё результаты наших антропологических разысканий. Хотя никаких результатов там на самом деле нет. Но это очень хороший способ. А вот так вот в лоб — нет.

П. С.: Здесь, наверное, перед тем как передать слово коллегам, раз уж зашел разговор про просвещение, и мы касались темы действительности, здесь сложно её обойти вниманием, что социология — некоторым образом наука о действительности. И такая позиция просвещенческая в лумановском смысле, возможно, что только в том случае, если мы предполагаем, что наше знание, которое мы, социологи, производим, касается некоторой действительности. Или как в другой статье Лумана мы видим не только то, что происходит, но и что за этим кроется. И здесь, наверное, для того, чтобы вглубь этого не уходить, и скорее, опять же, реферировать к некоторым вашим текстам, мы хорошо помним вот этот спор между, условно говоря, манчестерскими этнометодологами и теми, кого они называют «всеми остальными», «формальной социологией». Они говорят о вреде такого удвоения реальности и отстаивают идею плохого мира. Что нету никакого «что за этим кроется», нет никакой действительности. И всё было бы хорошо, мы могли бы сказать, что есть одна рамка, другая рамка. Вопрос: как с этим ведёт себя теория событий, которая в том числе, как минимум, инспирирована Луманом в тот момент, когда вы в теории событий тоже говорите, что задача — скользить по поверхности? Задача социолога, если он занимается изучением событий, скользить по поверхности. И этот тезис можно прочитать так, что не нужно идти в сторону этой действительности. В таком случае, что мы предполагаем под этим скольжением по поверхности и как с этим бьётся история с просвещением и тем, что социология, в конечном итоге, это наука действительности и за счёт этого она может занимать в каком-то ином идеальном мире просветительскую позицию?

А. Ф.: Да, ну здесь на самом деле очень много вопросов в одном. Я могу просто сказать, что, конечно, теория событий, как большая теория, к сожалению, не состоялась. Но какие-то элементы её сохранились, может быть будут даже дальше развиваться. Я бы этого очень хотел и при первой возможности сделаю. Тут так получается, что есть некоторые вещи, которые от нас не зависят. Мы думаем, что они от нас зависят: в частности, когда ты занимаешься теорией, очень важно самому себе не придавать слишком большого значения. Типа «если бы не было меня, то тут бы ничего не стояло». Это глубокое заблуждение. Наоборот, когда что-то, как кажется, получается, оно получается, потому что это одно из событий, или одно из высказываний в этом бесконечном ряду, в этой бесконечной теоретической жизни.

Что я имею в виду? Смотрите. Во-первых, просвещение — именно в части «а что за этим кроется?». Но как вы помните, Луман в самом последнем предложении говорит — «да ничего!». А что за этим кроется? Да ничего. Социологическое просвещение как раз в том и состоит, чтобы сказать: «да ничего за этим не кроется». Это на самом деле очень тонкий момент. Это вопрос, который... вряд ли они стали бы пожимать друг другу руки, но понятно, что в Англии от слова «Луман» половина острова уходит под воду, потом с большим трудом всплывает. Они его не понимают и никогда не поймут. Но в сущности, это люди одной эпохи, одного поколения и в каком-то смысле даже одних интуиций. Опять же, одних интуиций. И мы бы могли сказать так, что социология как просвещающая социология предлагает другой язык описания, который предполагает, что ты не внутри, ты не наивно им пользуешься, ты становишься снаружи и описываешь то, как другие это описывают. Но это не значит, что ты ищешь при этом обязательно причины того, почему они так это описывают. Может быть причина или даже комплекс причин, почему тот или иной человек совершил то или иное высказывание. Но когда мы берем несколько большее количество этих высказываний, когда они связаны между собой, мы понимаем, что у него не было шанса, он должен был говорить на определённого рода языке. Если мы, например, социологически исследуем условия производства этого языка, то мы тем самым не ставим его под сомнение, потому что на нём люди продолжают говорить. И здесь, если вы хотите, скажем, переключаться с манчестерцами, они бы сказали «но вы же ведёте себя тогда иронически, вы смотрите на них и посмеиваетесь». Кто посмеивается, кто нет. Ирвин Гофман, которого они именно за это и ненавидят, он смотрит со стороны с кривой усмешкой и говорит: «может быть так, а может быть иначе, а может быть ещё и вот так, но на самом деле, скорее всего, вот так». Он, им кажется циничским и ироническим социологом. Для них самих важно до такой степени усвоить себе этот язык, чтобы стать совершенно неотличимым — тогда непонятно, на каком языке

ты производишь описание своего же собственного языка. Для Лумана как раз наоборот: для него принципиальным моментом является то, что ты отошёл в сторону и занял позицию, которая тоже не может не обладать элементом уязвимости. Вот это слепое пятно, причем ты даже не знаешь, где оно находится, для него это было важно. Я не знаю, где это слепое пятно, я просто знаю, что оно есть. Это помогает мне избавиться от догматизма, но я смотрю на этот язык, на котором говорят эти люди, на эти действия, как на один из возможных, а не как на тот, в который нужно влюбиться как в свой объект и им дальше заниматься.

Теперь посмотрим на это с другой стороны. Например, мне сейчас приходит в голову та же самая мысль. Постоянно всюду, где ни появляюсь, я её анонсирую, но она всё никак не выйдет — я написал маленькую книжку, она называется «Восстание Левиафана». Она про Гоббса. Там написано, что это очерки о Гоббсе и социальной теории. То есть там есть о Гоббсовой проблеме, но и не только о ней, о самом Гоббсе тоже. Но в начале этой книжки, её даже совестно называть книжкой, потому что она совсем тощенькая, но вот в начале этой брошюры я как раз задаюсь этим вопросом. Ты внутри определенного социального мира, ты не можешь не говорить на его языке, но ты хочешь каким-то образом вырваться. Что дает тебе этот шанс? Вот в философии, когда этот вопрос был поставлен, Хельмут Плеснер (который впоследствии, заметим, очень большое влияние оказал на феноменологическую социологию, и был президентом немецкой социологической ассоциации после [Второй мировой] войны) отвечал на него философски. Он говорил, что это эксцентрическая позиция. Формулировку эксцентрической позиции вы можете найти у Плеснера, у Гелена, она встречается где-то у Гидденса. Это не какая-то в свою очередь эксцентрическая штука. Но я стал прикидывать, как я могу найти ресурс для эксцентрической позиции. Один из вариантов — это как раз перескочить из актуальных теоретиков, из актуальных классиков к классикам, может быть, менее актуальным. Почему Гоббс? А потому что он мне позволяет встать снаружи и посмотреть с позиции Гоббса сюда. Это эксцентрическая позиция. И он мне позволяет благодаря этому не то чтобы просвещать всех насчет того, кем они являются на самом деле, но насчет того, как это может быть изображено, даже если не забираться внутрь и в глубину. И последняя здесь точка в этой же части. Есть же ещё один философ, который говорит: «не забирайтесь в глубины, надо скользить по поверхности, есть же мир видимости». Это не кто иной, как Ханна Арендт. Она говорит: то, что мы застаем в межчеловеческом мире — это вот как раз не та беспредельная глубина, это область *doxa*, это область мнения, это область славы, это область *plurality*, значит, множества людей, которые скользят по поверхности друг друга. И то, что образуется благодаря речи и коммуникации, благодаря речи и свободному поли-

тическому действию — непредсказуемо. И этот мир явлений, мир видимости и есть подлинно человеческий мир. Другое дело, что с ним потом происходит. Поэтому мы можем оказаться в очень интересной компании, в очень интересных местах, продолжая следовать вот этой догме о том, что мы находимся на плоскости.

П. С.: Спасибо. Дорогие коллеги, у нас остается время, чтобы задать вопросы. Мне кажется, сейчас был хороший завершающий аккорд с точки зрения просвещения и с точки зрения того, как работает фундаментальная социология. Кто хочет, может задать Александру Фридриховичу вопросы.

Алексей Титков: Спасибо большое за диалог. Я бы хотел начать с самого первого сюжета, ради которого, я думаю, многие пришли. Первое — это исходный лозунг «в современной России теоретической социологии нет», и потом — грусть о том, что лозунг помнят, а статью 97-го года забыли, о ней не спорят. Давайте, чтобы грусти было меньше, я очень быстро поспорю с основным аргументом, как я его понял. Вроде бы по таким-то эмпирическим наблюдениям теоретической социологии нет. И это является проблемой, потому что, во-первых, как говорил Ханс Фрайер, социология — это самописание общества. Следовательно, отсутствие теоретической социологии — это социальная проблема, которую нужно в таком качестве обсуждать и в таком качестве решать. Вопрос следующий: если всё-таки каким-то чудом стать на позицию теоретической социологии, возможно, для теоретической социологии это проблемой вообще не является, поскольку это... То есть на вопрос «где находится теоретическая социология?» наверное самый очевидный ответ — в социологии. Внутри социологии это часть, которая, видимо, в наименьшей степени ориентирована как раз на самописание конкретного общества, в котором она находится. Социологов, которые одновременно были фундаментальными и при этом внесли вклад в самописание своего общества, наверное, не так много. Может быть, Пьер Бурдьё, уже покойный, последний звездный счастливчик такого плана. То есть в этом смысле нахождение теоретической социологии в конкретной стране, если переходить к уровню сверхфундаментальному политической теологии, это примерно такой вопрос, как семь светильников, семь церквей из книги Апокалипсиса находились в Турции. Вопрос, насколько их нахождение в нынешней Турецкой республике и тогда провинции Азии — это вопрос богословский. Если по крайней мере засомневаться над тем, что исходный вопрос теоретической социологии в России сам является теоретико-социологическим, тогда чей это вопрос, для кого это проблема?

А. Ф.: Я могу сказать, что это уже не проблема. В этом смысле вы правы. Один из главных аргументов состоял в том, что нет коммуни-

каций. А вот мы с вами это обсуждаем, получается, что коммуникации есть. Раз они есть, то происходит самоотрицание этого всего. Хотел бы я настаивать на этом тезисе сейчас? Наверное, нет. Вы только прикиньте, вот-вот наступит [20]26-й год, статья вышла в 97-м, то есть она была написана, скорее всего, в 96-м. 30 лет прошло. За это время, по существу, полностью сформировалось в стране социологическое образование, предполагающее в качестве обязательного компонента изучение классических текстов. Сформировался огромный корпус переводов, которые можно читать, можно не читать, но они есть. Причем в том числе и сложнейшей, и очень требовательной к переводчику и к будущему читателю литературы. Защищена куча диссертаций с претензией на теорию и так далее. Поэтому там проблемы-то в другом. Не в том, что теоретической социологии нет, а в том, что из неё в результате получилось, какой она стала, каким стало то, что стало, может ли это состояние нас удовлетворять или нет. Но это уже вопрос совсем другого плана. Поэтому я немножко и грущу, что люди вцепились в эту формулировку так, как будто некий пророк выступил, проклял всех, убежал после этого, а мы только вдогонку ему кричим, что он оказался лжепророком. Но это ведь не вполне адекватная положению дел ситуация.

Владимир Бродский: Александр Фридрихович, большое спасибо. Я хотел бы задать вопрос, который отчасти в диалоге уже звучал, но, возможно, он позволит развить некоторые тезисы. Если открыть страницу Центра фундаментальной социологии на вышкинском сайте, то в качестве обложки мы видим там фронтиспис Левиафана. Очень скоро у вас выходит книга о Левиафане, частью названия которой является словосочетание «социальная теория», синонимичное словосочетанию «теоретическая социология». Некоторые сотрудники Центра фундаментальной социологии бывшие и нынешние публикуют работы, в которых история социологии отсчитывается от постановки Гоббсовой проблемы, и речь идет здесь именно о Гоббсе, а не о Парсонсе. И некто, возможно, счёл бы всё вышеперечисленное экспликациями тезиса вашей статьи 2002 года, согласно которой (я близко к тексту цитирую): «проблемы политической философии переходят в теоретическую социологию». Не могли бы вы несколько слов сказать о моменте и особенностях этого перехода?

А. Ф.: Спасибо большое, Владимир Игоревич, но это не на лекцию — это на курс лекций, и то не уверен, что я его потяну. Смотрите, всё-таки как ни крути, кто был твоим учителем, тот продолжает в тебе жить, как вот какая-то матрица все годы. У меня было два учителя по существу. Это вот [Юрий Николаевич] Давыдов с одной стороны, а с другой стороны, как ни крути, всё-таки Луман. То есть я входил в социологию через мучительное, многолетнее изучение

Лумана, и всем худшим — насчёт лучшего не знаю — но всем худшим во мне я точно обязан ему. На самом деле, это довольно теоретическая штука, которую я сейчас скажу. Она, может быть, немножко так засушит нашу встречу, но с другой стороны, ради чего тогда вообще встречаться? У Лумана объяснение того, в какую эпоху мы живем и что у нас происходит, начиналась с того, что он вспоминал латинскую формулу. Кстати, эту формулу, есть у меня такое подозрение, он берёт именно у Гоббса, а не из более ранних латинских работ. “*Civitas sive societas civilis*”, то есть государство или гражданское общество. Начальная политико-философская констатация состоит в том, что мы имеем дело, когда мы занимаемся наукой — а Гоббс, заметим, говорил, что он создаёт гражданскую науку, *civil science*, какой раньше еще не было, и никто её не создавал — мы создаём науку о гражданском обществе. Что такое гражданское общество? Это общение граждан. А кто такие граждане? Те, кто составляют государственное тело. Государство — это то, что состоит из граждан. Никакого различия между государством и гражданским обществом нет, это одно и то же. Потом происходит разъединение. Гражданское общество оказывается — благодаря шотландским моралистам, благодаря Гегелю, и далее везде, мы знаем где — оно оказывается отделено от государства, то есть политическая система оказывается лишена своего примата, как Луман говорил. Примат не в смысле нашего слова «примат», а приоритета, первичности. И приоритет начинают отдавать гражданскому обществу, то есть экономике. Потому что это сфера экономики. И потом происходит третий сдвиг, когда оказывается, что ни у одной из систем нет приоритета, и что они все, в каком-то смысле, равноправны. И вот кажется, да, вот до этого места, это такое, знаете, догматическое изложение. Ну да, ну равноправно, ну что теперь? А что такое тогда общество? А общество — это все системы. А что значит все системы?

Вот смотрите, когда вы говорите о политической системе, у неё есть одна паскудная особенность, она имеет территориальные границы. Когда вы говорите, что у вас политическая система перестала иметь приоритет, перестала быть тем, что равно обществу, политическая система не равна обществу. Она просто одна из систем. Получается, что у вас отдельно есть политические системы в границах, и отдельно вот всё то огромное общество, в пределе оно называется *Weltgesellschaft*, то есть всемирное общество, которое, собственно, и является подлинным предметом социологии, потому что она изучает всё социальное, а всё социальное — это горизонт всех возможных коммуникаций. Это тоже формула Лумана.

Теперь давайте вернемся к социологии, как мы её знаем. Не считая вот этих вот последних десятилетий, когда социологов буквально пинками запикивали — ну, не считая, конечно энтузиастов, отвратительных, как все энтузиасты, чего бы энтузиастами они ни были —

но всех остальных социологов буквально пинками запихивали в концепт глобализации. То, что феномен глобальности существует, не только существовал, но и существует, может отрицать только безумец. Речь не об этом. Речь о том, что вот возьмите, скажем, как раз специально я недавно смотрел, 2017 год, второе издание оригинала, в 2018 в издательстве Вышки выходила книга Гидденса с каким-то там подельником про основные социологические понятия¹¹. И что они там пишут? Что невзирая на все достоинства государства, невзирая на всю его важность, все-таки ключевым понятием является глобализация. То есть надо брать её как основную парадигму. А почему я говорю, что социологов запихивали? Потому что возьмите любые наши исследования, за исключением специально заточенных под феномены глобального мира или что-нибудь в этом роде. Значит, что-нибудь такое вкусненькое, типа цифровизация или другой какой-то ерунды. Все остальное происходит внутри государственных границ. То есть где находятся все феномены, которые вы изучаете? Вы всегда имеете дело с тем, что происходит с так или иначе локализованной общностью. Она локализована внутри самых главных границ. Даже если это национальная, культурная, языковая, расовая (хотя это в меньшей степени важно) общность, она всё равно в качестве главного ориентира, с которым ей приходится считаться, с которым она соотнобразует все свои реакции, все свои процессы, она всё равно находится внутри политических границ.

И вот это фундаментальная несообразность, потому что с тем, что находится внутри политических границ, изначально фундаментально имеет дело именно политическая философия “*civitas sive societas civilis*”. Социология говорит: «вы как хотите, я побежала». Но внезапно с удивлением мы обернулись вокруг, глобализации больше нет, а кругом одно сплошное государство, и кто знает, когда это изменится обратно в противоположную сторону. Поэтому вот эта основная парадигма... Да, есть опыты политической философии универсального, глобального мира международных отношений и всего остального. Понятно, мы не будем делать оговорок, все грамотные люди, все прекрасно понимают, о чем я говорю. Но вот эта фундаментальная парадигма государственной границы и внутри неё находящейся, как Парсонс называл, социетальной общности, она связывает настоящую социологию, если угодно, социологию будущего, которая возвращается к себе, потому что, на самом деле, ей не трудно, она никуда отсюда не уходила, с политической философией. Так, во всяком случае, я вижу на сегодняшний день.

¹¹ Речь идёт о книге: Гидденс, Э., Саттон, Ф. Основные понятия в социологии / Пер. с англ. Е. Рождественской, С. Гавриленко; под науч. ред. С. Гавриленко. М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2018.

Вопрос из зала: Александр Фридрихович, большое спасибо вам за вашу лекцию. И вот вы в самом начале сказали то, что на данный момент в России отсутствует фундаментальная социология...

А. Ф.: Это не я сказал, это Степанцов сказал.

Вопрос из зала: ...да, понятно, но хотелось узнать, как обстоит дело за пределами России, там, в западных странах? Какая страна наиболее передовая в этом смысле?

А. Ф.: А, ну у меня есть, как это да... была в свое время такая книжка, Елизаветы Драбкиной, дочери одного знаменитого большевика, «Баллада о большевистском подполье». И там описывалась ситуация. В Смольном незадолго до революции приходит какой-то человек малограмотный и говорит, что там есть «оптимальный вероянт» и «пессимальный вероянт», да. Вот значит, у меня тоже есть «пессимальный» и «оптимальный» ответы на этот вопрос.

В принципе, мне долгое время казалось — может быть, это было как раз связано с тем, что я работал в Московской школе и несколько раз ездил в Англию — мне казалось, что лучшее место, где развивается социология, может быть, не в том виде, в котором я бы хотел её видеть, но во всяком случае в понятном для меня виде и людьми, с которыми я могу говорить на эти важные темы, это все-таки Англия. Может, если бы я ездил во Францию, я думал бы так. Америка для меня не представляла ни важности, ни интереса, невзирая на то, что это были еще, скажем, лучшие годы Тёрнера (я имею в виду Джонатана, потому что Тёрнеров их много, именно Джонатана Эйч Тёрнера), или там Джеффри Александера, который еще тогда был в силе и славе своей. Ну, вот почему-то мне казалось, лучшее место это всё-таки Англия.

Сейчас у меня такое ощущение, что где-то есть какие-то отдельные протуберанцы. То, значит, притащат в клюве парочку интересных немцев, их имена у всех на слуху, типа Роза или [Андреаса] Реквица, то, значит, поскольку я все-таки время от времени нахожусь в переписке с Дмитрием Юрьевичем Куракиным, которого упоминал в начале Павел Михайлович, и он рассказывал мне про культурсоциологию и что с ней происходит. Но он в большом воодушевлении, мне это кажется, честно говоря, просто вариантом неопарсонсианства, которое просто стыдится признаться, что оно парсонсианство. Но вроде бы там тоже какое-то движение происходит. И наоборот, из Англии я что-то ничего интересного в последнее время не вижу. Всё равно это выглядит как-то более-менее утешительно, потому что люди работают, люди получают образование, люди пытаются время от времени возвращаться к тем источникам, которые для меня важны. Даже вот просто как пример, в одной социальной сети, которая подстраивается под интересы читателя сама по себе, я в последнее

время стал встречать постоянно ссылки на книги на французском языке, которые показывают, что люди хотят заново переосмыслить и историю социологии, и теорию социологии. Насколько интересны эти книги, насколько они глубоки, не является ли это просто, знаете, как в каждой стране своя рутина, вот у них рутина такая, это не означает, что происходит прорыв. Я пока судить об этом не могу, но всё-таки мне просто приятно видеть заголовки. Я взял себе на карандаш, что надо как-то с этим разобраться — может, всё не так плохо.

Но это вот был «оптимальный вероянт». Что касается «пессимального», то он в радикальной формулировке примерно такой. Если не какого-то конкретного автора, не какую-то конкретную социологическую школу брать, а брать социологию — знаете, как иногда говорят, «социологию как проект». Потому что ведь вообще, одновременно возникало очень много наук об обществе. И социализм, между прочим, одновременно с которым возникала социология, и в одном лоне они возникали, социализм это был просто один из способов тоже научного мышления об обществе. И просто потом по ряду причин мы перестали серьезно прислушиваться, что имел в виду Энгельс, когда говорил о развитии социализма от утопии к науке. Наука — это социализм. Одни говорят, что наука — это социализм, другие говорят, что наука — это социология. Третьи, между прочим, говорят, что наука — это теория действия. Когда Парсонс приступал к своему монументальному труду «Структура социального действия», он был, если верить во всяком случае записям Мертона, глубоко невежествен в истории именно американской социологии. Но зато он хорошо знал, ну или сравнительно хорошо знал экономику и европейскую социологию. Но он не называл свою работу, что вот «я напишу работу о социологии». Обратите внимание, там у него Маршалл экономист, там Парето, там Дюркгейм и Вебер, которого тоже можно рассматривать как социолога, как экономиста и как кого угодно ещё. И это к чему? Он создавал теорию действия, а не социологию. Это уже потом стало считаться, что это социология. А почему он создавал её как теорию действия? Как один из вариантов. Потому что его в эту сторону подпихивал Хайек. Хайек тоже хотел создать теорию действия. Хайек создавал теорию действия. Мизес создавал теорию действия. Шюц, который бегал на семинары к Мизесу, создавал теорию действия. Потом как-то внезапно выяснилось, что теория действия и социология — это вроде бы одно и то же. А куда делись все остальные, которые создавали теорию действия? Они никуда не делись. И Хайек продолжал работать. Почему-то мы теперь его знаем только как экономиста. И Мизес продолжал работать, почему-то мы его огромный философский труд про человеческое действие тоже готовы рассматривать именно как экономический.

И это к чему? К тому, что социология — это одна из опций внутри вот этого бурлящего котла предложений, которые существуют в опре-

делённую эпоху. В одну эпоху среди влиятельнейших предложений мы видим социализм, в другую эпоху, и, кстати говоря, экономику в некоторых вариантах тоже, в другую эпоху мы в качестве влиятельнейшего предложения видим, скажем, теорию действия, вообще концепцию действия. А вот если мы сейчас посмотрим на то, что происходит в наши дни, у меня такое ощущение — оно может быть неправильным, я его хочу перепроверить, и прошу не рассматривать это как вердикт, но это, повторяю, мое пессимистическое утверждение — проект закрыт. Проект закрыт. Во время последнего, я помню, но это, правда, было уже довольно давно, визита, поездки в Англию, я говорил с одной коллегой, она говорит: «всюду кафедры социологии по университетам закрываются». А я говорю: «что же вместо нее?». Да вот открывается социальная география, к примеру. География есть, социологии нет.

В Билефельдском университете, который был создан одним из величайших социологов Германии, Хельмутом Шельски, и где работал Луман всю жизнь (я уже не говорю о том, что после его ухода это место занял полнейшее ничтожество). Деградация началась прямо на глазах, но социологическая теория хотя бы была. Сейчас всё. Там, если не ошибаюсь, нет позиции... вот этой верхней, С4. Меня, может быть, поправят, если кто-то слышит меня или услышит кто-то из тех, кто сейчас в Билефельде. Может быть, поправят. Насколько я знаю, там сейчас нет позиции сопоставимой с позицией ординариуса, то есть то, что называется у них С4, по общей социологии, по истории социологии. Они все занимаются вот этими самыми *middle range* и думают, что они могут проедать наследство великих ещё долгие-долгие годы. И так, повторяю, всюду. Социология не оправдала оказанного ей высокого доверия. Не оправдала не в том смысле, что она не может окучить какое-то количество проектиков или журнальчиков. А она не оправдала в высшем смысле. Она не оправдала как тот самый язык, которым общество готово было бы описывать себя, готово было бы говорить о самом себе с самим собой. Вот в этом высшем смысле — *The language, The sociology*. Если всё это не так, мы скоро увидим какого-нибудь великана социологии, который не то что будет плевать на мою могилу, а даже не будет в курсе, что она существует.

П. С.: Спасибо... Кто хочет продолжить позитивную ноту?

Вопрос из зала: Если развивать вашу мысль о смерти социологии, то как вы относитесь к наследию Иммануила Валлерстайна? Потому что он высказывал нечто подобное. Насколько, по-вашему, мир-системный анализ перспективен? Он может жить? Он может заменить социологию?

А. Ф.: Я сам не занимался мир-системным анализом, но я очень высоко ценю его некоторые результаты. Например, ещё когда мы

выпускали журнал, который сейчас почти никто не знает — там всего-то вышла пара номеров, он назывался «Вопросы социологии» — мы прямо в первом же номере, если не ошибаюсь, опубликовали перевод выступления Валлерстайна на конгрессе германоязычных социологов, по-моему, 1987 года, о развитии общества или развитии мировых систем¹². Там он впервые говорит о том, что возникают новые «гемайншафты», что это совершенно новый феномен, к появлению и возникновению которого социология совершенно не готова, что мы должны сменить парадигму. Вот эта парадигма общества, с которой оно работало до сих пор, — она абсолютно не работающая, и это говорит о его величайшей проницательности, когда он ставит под сомнение принятые исторические нарративы. Мы знаем, например, про Индию или про Французскую революцию. Возможно, что это спорные идеи, но они заставляют реально думать.

Когда он предлагает вот эту схему, согласно которой сначала возникает мир-система, а уже потом возникают вот такие государства, *core states* как носители, и именно в этой перспективе всё это надо рассматривать, независимо от того, насколько — я просто некомпетентен оценить каждый конкретный результат — я понимаю, что это работает. Я бы сказал, тут скорее проблема не в том, что это не работает, проблема в том, что это временами слишком хорошо работает, а когда какая-то объяснительная схема работает слишком хорошо, она у меня вызывает подозрения. Просто, понимаете, если ты готов собой заменить всю социологию — пойди и сделай это. Мир-системный анализ претендовал, но не смог. В этой части всё уже произошло, больше ничего не будет. Людей, сопоставимых с Валлерстайном... Я же знаю, что там целая группа, я журнал всё время конспектировал по мир-системному анализу, я серьезно к этому относился, но мне кажется, что всё, поезд ушёл, проехали, и остается только пользоваться теми ресурсами, которые они уже оставили. Ну, посмотрим, не знаю... Респект огромный.

[...]

Вопрос из зала: Александр Фридрихович, спасибо огромное за возможность так глубоко погрузиться с вашей помощью. Я хотела вернуться к теме смерти социологии, того, что вы сказали. Я хотела тоже этот вопрос задать, но он уже прозвучал, о том, что проект закрыт. И вот той интерпретации идеологии, которую вы процитировали Луманом. У меня возникли такие мысли сейчас по ходу ва-

¹² Уоллерстайн И. Общественное развитие или развитие мировой системы? // Вопросы социологии. №1. 1992. С. 77–88.

ших рассуждений, и хотела спросить ваше отношение к этой мысли. Не кажется ли вам, что смерть социологии, закрытие проекта связано с тем, что по существу вот та социология, которую мы знаем, теоретическая, классическая, относительно современная, явилась глобальным идеологическим проектом. И она действительно оправдывала, описывала то общество, которое на протяжении последних двух веков существовало, имело в своей основе какие-то целостные атрибуты. А сейчас это общество уходит, сейчас глобальная неопределенность, как говорят, меняется мировой порядок, и вот эта теоретическая или фундаментальная социология, которую мы знаем, она уже не способна оправдать, ни описать те изменения, которые происходят, и дать то видение будущего. У нее нет вот этого ресурса концептуального, теоретического, понятийного и так далее. И поэтому нам надо ждать какой-то другой социологии, как другой идеологии, которая уже будет, когда как-то, может быть, стабилизируется вот это новое очертание общества, которое сможет его адекватно описывать и оправдывать.

А. Ф.: Мне эта позиция близка. Есть такая точка зрения — я не помню, кто её первый высказал, но точно не я её придумал, я просто воспроизвожу и не могу сослаться, не могу понять на кого — что все великие социологи родились до 1944 года. Такие вот настоящие. Могут называть какие-то имена сейчас действующей профессуры, которые, повторяю, чувствуют себя превосходно и даже уверены, что создают какие-то новые взгляды. Но социологов вот такого уровня, к которому мы привыкли в XX веке, во второй половине XX века, даже в начале XXI, не случайно же их нет. Это же тоже не просто так, что кто-то умнее или кто-то глупее. «Было время, когда приходили гениальные люди, а потом пришло время, когда стали приходиться люди меньших способностей». Это, конечно, наверное, правда, но ведь дело же в чем? Что люди огромных способностей приходят туда, где они видят ресурсы, перспективу.

А так-то ведь многие, наверное, от меня это слышали, но я ещё раз могу это повторить, даже для тех, кто слышал. Главный советский социолог был Толкотт Парсонс. Весь тот ужас, с которым мы сталкиваемся, до сих пор, кстати, в учебниках обществоведения — это результат того, что советские социологи подсели на Парсонса и его школу. И в этом кошмарном виде он продолжает до сих пор определять представление о том, как устроено общество, людей так или иначе школы даже в наше время заканчивающих. При том, что самого Парсонса ни один здравомыслящий социолог сейчас на Западе читать не будет. Единственное место, где его читают всерьёз, это вот здесь у нас. И я, кстати, считаю, что это, в принципе, хорошо.

Но единственное, я не думаю, что сразу дело пойдёт к тому, что просто и на руинах возникнет нечто совершенно новое. Скорее будет

сначала ощущение «а можно вернуться». Раз возвращается государство, то почему бы не вернуться к той социологии, которая так себя уютно чувствовала внутри государственных национальных границ. А уже потом может прийти осознание того, что и государство вернулось совсем не так, это совсем не то государство вернулось, которое исчезало. А значит и потребности в социальной науке совсем другого толка.

И я повторяю, будет некий уровень социологических теорий и социологических исследований, которые не то, что ближайшие 10 лет, а может еще ближайшие 100 лет будут себя прекрасно чувствовать. И над ними все эти бури пройдут, как Азорские острова, они ничего этого не заметят. Если вы изучаете порядок организации медицинской помощи, у вас человек с налобным зеркалом в операционной стоит и смотрит, как работает анестезиолог. Какая вам разница, это в государственных границах или это в частном госпитале где-нибудь в глубинах Африки? Какая разница? Вы вообще не замечаете ничего этого, там нужно тысячу раз постараться, чтобы всё это проделать. Или если вы изучаете, например, взаимодействие воспитателей и воспитанников в детских домах, или изменение вкусовых предпочтений каких-то социальных групп. Вы на все это смотрите, о чем я сейчас говорю, и думаете: «господи, что он нам голову морочит? Что в нашей жизни меняется от того, что произойдет такая переконфигурация?». Для того, чтобы понять, насколько это на самом деле затрагивает также и их, нужен совершенно иной уровень рефлексии. Состоится ли, нет, я не знаю.

П. С.: Я здесь воспользуюсь правом модератора и продолжу эту историю про смерть проекта социологии. Первое, наверное, он связан с историей Московской школы. Первый раз я услышал о Московской школе в 2006–2007 году, тогда я ещё учился в Вышке. Я точно год не помню, но это был год, когда Шанин перестал быть ректором, и ректором стал Каспржак. И я помню как раз, это имеет контекстуальное отношение к тому, о чем мы говорим сейчас, потому что как минимум происходит в стенах Московской школы, где мы с вами говорим. Я подошел к вам тогда и спросил: «а вот Шанинка, стоит ли туда идти, и вроде как она умирает в 2007 году?» На что вы сказали, что Шанинка, она как феникс, она умирает каждый год, а после этого возрождается из пепла. То есть буквально так оно и происходило, каждый последующий год после 2007, как минимум, Шанинка умирала. А пока что мы здесь сидим.

Второй момент, про проект социологии. Конечно, было бы хорошо, если можно было бы так отшутиться про него так же, как про Шанинку. Но здесь, мне кажется, есть несколько вещей, которые реферируют к тому, что мы с вами до этого обсуждали. Про некоторую позицию наблюдателя, который имеет некоторое, может быть,

не абсолютное, но привилегированное право описывать действительность и говорить от лица действительности. И здесь, на самом деле, люди, которые занимаются не фундаментальной социологией, а вполне себе эмпирическими, скажем так, исследованиями, будь то в госпитале, будь то где ещё, могут чувствовать шаткое положение проекта социологии. Потому что появляются в последнее время, я думаю, многие из вас, кто занимался какими-то эмпирическими исследованиями, ну и в целом сталкивался с этой областью, видели ряд мод, которые появлялись. Как будто вот это привилегированное место, оно прошло. Эти моды мы хорошо знаем. Например, мода на большие данные — это была мода, она сейчас проходит. Люди, которые всерьёз занимаются не исследованиями, а управлением, и у них есть запрос на наблюдение в конечном итоге общества, они уже понимают в последние несколько лет, что большие данные — это некоторые моды, это ничто. Другая мода была... Помните, в 2008 году выходил вот этот номер как раз манчестерских этнометодологов против когнитивизма. Была мода на когнитивизм, как некоторое привилегированное описание и так далее.

То есть в любом случае даже первое это отнесение к тому, что да, вот шаткое положение — не знаю смерть, не смерть — но шаткое положение проекта социологии могут почувствовать и люди, которые с зеркалом изучают госпиталь в Африке. Потому что им могут задать простой вопрос — а почему вы? А почему мы не можем взять, например, поставить камеру, в которую вшит искусственный интеллект, она всё расскажет? Или почему мы не должны позвать экономиста, когнитивиста, кого угодно. Почему вы с вашим аппаратом должны приходить? Так что здесь есть шаткое положение уже не на уровне фундаментальных описаний. А вопрос скорее относился к тому... Вопрос интересный. Он связан с тем, как вам кажется, кто и за счёт чего сейчас может занять вот эту некоторую привилегированную позицию, пусть и не уникальную, не единственную, но привилегированную позицию говорить от лица действительности. То есть, по сути, просвещать.

А. Ф.: Я наоборот всегда пишу, и это просто очередной повод сказать, что я категорический противник привилегированных описаний. Социолог не является привилегированным наблюдателем. И он является «одним из». Но тогда возникает вопрос: если их так много, то почему все-таки ты? В каком смысле мы возвращаемся к тому, что я говорил, потому что за мной 200 лет величайших умов, способности давать людям ответы, за которые они цепляются и которые используют так или иначе. Но помимо этого я мог бы сказать...

Знаете, вместо того, чтобы давать ответ в общей форме, я вам приведу конкретный пример. Вот все вы знаете историю вокруг Макса Вебера и тезиса «Протестантской этики и духа капитализма». Что якобы благодаря протестантской этике появился капитализм.

Ну, или, по крайней мере, [без неё] как одного из важнейших факторов, капитализма бы не было. Еще не успели чернила высохнуть, как на Вебера все кинулись — это был 1905 год, значит, уже 100–120 лет, как бушуют все. То, что он ошибался, буквально в каждой строчке доказано 1500 раз. И что происходит? Ничего не происходит. И вот совсем недавно опять была история. Может ничего смешного нет, но я считаю это анекдотом по существу. Наш вышкинский профессор, экономист знаменитый, [Ростислав Исаакович] Капельюшников, написал огромный текст под названием «Гипноз Макса Вебера», где наконец разоблачил его полностью от начала до конца. Мне коллеги, я помню, тогда звонили: «Ты знаешь? Ты слышал?». Произошло именно то, чего, скорее всего, он опасался, и что не могло не произойти. Я думаю, что в этом зале, может быть, несколько человек знают имя Капельюшникова, значит, из знающих это имя, ещё половина примерно читала этот текст. А если пройдет ещё лет 10, то с Вебером ничего не случится. С тезисом Вебера ничего не случится. Просто вы можете быть уверены, меня не будет, но спросите друг друга. «А ты помнишь, был такой вот случай, мы вспоминали про Макса Вебера?». Ну, никаких шансов нет это преодолеть. Для нас Вебер и его тезис вечны. Нет никаких шансов полностью забыть про классификацию самоубийств Дюркгейма. Не будет этого никогда. Будут ещё сто лет люди использовать понятие социальной роли, хотя это гадость, в общем, мы знаем, насколько с этим всё плохо. Въелось уже, лучше бы не въедалось, но уже всё. Въелось слово «фрейм», и все будут рассказывать друг другу про фреймы. И вот это, собственно говоря: а почему социолог? А что тебе дает право? Пожалуйста, а вы найдите другую такую дисциплину, которая бы создала, сохранила и оставила бы в пространстве операционного распоряжения, реального, нормально-го, повседневного применения такое количество концептов. Можете? Ну, работайте с ней, какие проблемы? Тут претендентов много, но это один из них.

П. С.: Спасибо. Ну что, коллеги, я предлагаю постепенно завершать. Спасибо большое, Александр Фридрихович, что пришли.

А. Ф.: Спасибо всем, кто пришёл. Я не ожидал такого присутствия значительного. И отдельное спасибо коллегам, которые меня знают не первый год, и тем не менее нашли время, чтобы прийти. Я это очень ценю. Надеюсь, будет когда-нибудь еще шанс, и вы скажете мне тогда: «А вы помните, что 10 лет назад вы говорили то-то и то-то?». И я вам честно скажу — «не помню».

A. Filippov

Fundamental sociology as a research project

Public talk with Pavel Stepantsov

Alexander Filippov — Doctor of Sociological Sciences, professor of the Faculty of Humanities at the National Research University Higher School of Economics, Head of the Laboratory at the Center for Fundamental Sociology at the National Research University Higher School of Economics. **Address:** Moscow, Myasnitskaya St., 11. **E-mail:** afilippov@hse.ru.

Annotation: This material is a transcript of a public talk held at the Moscow School of Social and Economic Sciences (Shaninka). The discussion focuses on evaluating the outcomes and prospects of the research project on fundamental sociology. Moderated by Pavel Stepantsov, the conversation covers a wide range of topics: from defining fundamental sociology and distinguishing it from applied research, to critically revisiting the thesis that «there is no theoretical sociology in Russia». Special attention is given to the contemporary crisis of the sociological project, competition with other disciplines, the return of the state, and imperial issues. The discussion also touches on sociological enlightenment, the observer's position, and the future of social science in an era of global uncertainty. The meeting is reflexive in nature, serving as an interim report on the development of theoretical sociology in Russia over the past three decades.

Key words: Theories of the middle range, self-thematization, world society (Weltgesellschaft), political theology, eccentric position, sociological enlightenment.

For citation: Filippov, A. (2026) Fundamental sociology as a research project. Public talk with Pavel Stepantsov. *Russia's Directions*. Vol. 4. No. 3. P. 135–167.